

Влияние жанра и модуса дискурса на выбор средств выражения временных и причинно-следственных связей

А. О. Литвиненко

В представляемом докладе рассматриваются различные средства выражения временных и причинно-следственных связей в русском дискурсе. За основу берется концепция, согласно которой сложное предложение есть феномен дискурсивного уровня и его структура должна подчиняться законам формирования структуры дискурса. Минимальной дискурсивной единицей является предикация, а средства соединения предикаций в дискурсивные единицы более высокого уровня выбираются говорящим в зависимости от различных характеристик дискурса (его типа и целей), ситуации общения, социальной принадлежности участников и т.д. В данной работе рассматривается влияние модуса (письменный/устный) и жанра дискурса на частотность временных и причинно-следственных дискурсивных связей и на выбор средств их выражения. Автором были рассмотрены тексты трех типов: устный рассказ, письменный рассказ и устный диалог. Это позволило провести сравнение как дискурсов одного жанра, но разных модусов (устный vs. письменный рассказ), так и дискурсов разных жанров внутри одного модуса (устный рассказ vs. устный диалог-интервью).

1. Введение. Материалы и методика исследования

Целью данного исследования является описание поверхностной реализации некоторого класса дискурсивных связей в русском дискурсе, а именно, какие средства используются для выражения **временных и причинно-следственных отношений** (далее **ВО** и **ПСО** соответственно), а также выяснение факторов, влияющих на выбор этих средств. Интересующая автора проблема заключается, в частности, в проблеме выбора между существующими способами выражения семантической связи того или иного типа. Описанное в работе исследование базируется на анализе корпуса текстов, состоящего из трех частей, соответствующих дискурсам трех типов, различающихся модусом и жанром: письменный нарратив, устный нарратив и устный диалог-интервью. Все эти тексты принадлежат к неформальному регистру речи. Суммарный объем каждой части корпуса составляет около 2000 элементарных дискурсивных единиц (предикаций). В качестве устного нарратива были взяты детские рассказы о сновидениях, собранные в результате коллективного исследования детских рассказов о сновидениях (1999-2001гг.). Это продолжение разработок кандидата медицинских наук Е. А. Корабельниковой, предложившей метод экспертного анализа сновидений для диагностики и терапии невротических заболеваний у детей и подростков. В исследовании участвуют как психологи, так и лингвисты. Собственно материал для исследования — магнитофонные

записи отчетов о сновидениях — был предоставлен Е.А. Корабельниковой. Для данного исследования были отобраны только рассказы детей и подростков от 11 до 17 лет, ослабить влияние фактора степени развитости речевых навыков. Всего было проанализировано 73 таких рассказа.

В качестве письменного нарратива были взяты так называемые «правдивые истории» с сайта anekdot.ru. Эти истории представляют собой забавные случаи, изложенные их участниками или свидетелями в письменном виде, вполне разговорным языком. Истории отбирались по следующему принципу: это должны были быть нарративы (поэтому истории, сводящиеся к пересказу смешной фразы или надписи, были отброшены), причем достаточной длины, не менее 20 единиц. Ограничение на длину связано с необходимостью сведения к минимуму количества «лишнего» материала, т.е. текстов, не включающих интересующие автора дискурсивные отношения. Всего было проанализировано 30 таких историй.

В качестве устного диалога были взяты фрагменты цикла передач «Одна семья времен Владимира Путина» с радиостанции «Эхо Москвы». Этот цикл передач подразумевает участие некоторой русской семьи (каждую неделю новой) в различных обзорных, аналитических и развлекательных программах. Структура цикла подразумевает специальную еженедельную передачу, посвященную знакомству новой семьи с радиослушателями. Фактически такая передача и представляет собой интервью в свободном стиле, во время которого ведущий передачи расспрашивает членов семьи-участницы об их привычках, вкусах и склонностях, а они рассказывают друг о друге и о себе. Всего было записано и затранскрибировано две таких беседы, продолжительностью около получаса каждая. Основные сведения о каждой из частей корпуса представлены в таблице (1) ниже.

В дальнейшем все отобранные тексты были проанализированы по методике, разработанной в рамках Теории риторической структуры (см. [Mann, Thompson 1987], [Mann, Matthiessen, Thompson 1992], [Кибрик, Плунгян, 1997] а также [Литвиненко 2001], [Литвиненко 2002] и [Литвиненко 2003]). Такой анализ подразумевает 1) *разбиение текста на элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ)*, 2) *установление между дискурсивными единицами риторических отношений* и 3) *построение риторических деревьев*, отображающих структуру исследуемого дискурса.

Таблица (1). Описание корпуса исследованных текстов

ТИП ДИСКУРСА	МАТЕРИАЛЫ	КОЛИЧЕСТВО ТЕКСТОВ	СУММАРНЫЙ ОБЪЕМ (В ЭДЕ)	СУММАРНЫЙ ОБЪЕМ (В СЛОВАХ)
письменный нарратив	«истории» с сайта anekdot.ru	30	2122	10776
устный нарратив	детские рассказы о сновидениях	73	2058	10364
устный диалог-интервью	программы радио «Эхо Москвы» «Одна семья времен Владимира Путина», 22 и 29 сентября 2002 г.	2 получасовых беседы (18 тематически независимых фрагментов)	2015	8069

Следующий этап исследования подразумевал выделение из всего списка существующих риторических отношений временные и причинно-следственные, отбор соответствующих контекстов и анализ их по ряду параметров. В список исследуемых риторических отношений были включены следующие:

1. Временные отношения

- обстоятельство одновременности (CIRCUMSTANCE)
- обстоятельство предшествования (PRECEDENCE)
- обстоятельство следования (POSTERIORITY)
- одновременность (JOINT)
- последовательность (SEQUENCE)

2. Причинно-следственные отношения

- волитивная и неволитивная причина (volitional cause, non-volitional cause)
- волитивный и неволитивный результат (volitional result, non-volitional result)
- обоснование (justify)
- вынуждение (consequence)

В данной статье основное внимание будет уделено асимметричным отношениям: обстоятельствам времени, различным видам причины и результатов, а также обоснованию. Симметричные отношения требуют отдельного обсуждения, поэтому их мы будем учитывать только в разделе 2, где речь пойдет о встречаемости ВО и ПСО в дискурсе разных типов.

2. Влияние жанра и модуса дискурса на встречаемость ВО и ПСО

Как показало проведенное исследование, встречаемость риторических отношений того или иного типа в значительной степени зависит от жанра исследуемого дискурса. Ниже приведены таблицы (2) и (3), где указана частотность ВО и ПСО соответственно из расчета на 1000 ЭДЕ.

Таблица (2). Встречаемость ВО в дискурсе разных типов (количество на 1000 ЭДЕ)

	Типы дискурса		
	Письменный нарратив	Устный нарратив	Устный диалог-интервью
CIRCUMSTANCE	18	10	6
PRECEDENCE	22	15	3
POSTERIORITY	3	0,5	0,5
<i>всего обстоятельств времени</i>	43	25,5	9,5
JOINT	41	45	12
SEQUENCE	50	73	9
ВСЕГО ВО	134	143,5	30,5

Из данных, приведенных в таблице (2), можно сделать следующие выводы.

Во-первых, **встречаемость временных отношений в целом в нарративе значительно выше, чем в диалоге (приблизительно в 4,5 раза)**. Это объясняется тем, что развитие событий во времени является основной нарратива как жанра; между тем для диалога-интервью конституирующими являются другие связи — коммуникативные (вопрос-ответ, тезис-согласие или тезис-возражение и т.п.). Однако для некоторых отношений можно констатировать скорее промежуточное положение устного нарратива между письменным нарративом и устным диалогом. Это означает, что кластер временных отношений не вполне однороден, и что на частотность некоторых из них оказывает влияние как жанр, так и модус дискурса. Подобным образом обстоит дело с обстоятельствами времени всех трех типов.

Во-вторых, если для **нарратива** характерна **большая частотность последовательности/обстоятельства предшествования**, чем **одновременности/обстоятельств одновременности**, то в **диалоге-интервью** дело обстоит скорее **наоборот**. По-видимому, это возможно объяснить тем, что основную линию нарративного дискурса обеспечивает как раз движение времени, последовательность событий на временной оси. Между тем, в диалоге этого не происходит, зато часты указания на одновременность тех или иных обсуждаемых событий. Часто в диалоге-интервью соотносятся таким образом некоторое известное всем событие (например, историческое или политическое) и событие частной жизни одного из участников.

Таблица (3). Встречаемость ПСО в дискурсе разных типов (количество на 1000 ЭДЕ)

	Типы дискурса		
	Письменный нарратив	Устный нарратив	Устный диалог-интервью
VOL. CAUSE	18	8	7
NON-VOL. CAUSE	15	3	4
<i>всего CAUSE</i>	33	11	11
VOL. RESULT	4	3	0
NON-VOL. RESULT	9	3	1
<i>всего RESULT</i>	13	6	1
JUSTIFY	12	8	10
CONSEQUENCE	89	77	3
ВСЕГО ПСО	147	102	25

Таблица (3) позволяет сделать следующие выводы о встречаемости ПСО в дискурсе разных типов.

Встречаемость причинно-следственных отношений в целом **в нарративе значительно выше, чем в диалоге** (приблизительно **в 5 раз**). Однако здесь встречаемость ПСО разных типов варьирует еще больше, чем для ВО.

Во-первых, **обоснование** (JUSTIFY) приблизительно одинаково представлено в дискурсе всех трех типов: можно сказать, что на него **не оказывают существенного влияния ни жанр, ни модус дискурса**. Это следует объяснять одинаковой значимостью логической операции обоснования для нарративного и диалогического дискурса.

Во-вторых, симметричное отношение **вынуждения** (CONSEQUENCE) встречается **в нарративе почти в 30 раз чаще**, чем в диалоге. Влияние **жанра** на частотность этого отношения совершенно очевидно. Безусловно, это объясняется тем, что отношение вынуждения не является конституирующим для диалога, между тем как для нарратива временная последовательность и вынуждение являются жанрообразующими отношениями.

Далее, указание на **причину** значительно чаще встречается в письменном дискурсе, чем в устном: частотность причины (обоих типов) практически совпадает в устном диалоге и устном нарративе, между тем как в письменном нарративе причина указывается втрое чаще. Здесь очевидно влияние **модуса**. Наконец, указание на **результат** практически не встречается в устном диалоге, а в устном нарративе встречается вдвое реже, чем в письменном. По-видимому, здесь следует констатировать **влияние как жанра, так и модуса** дискурса.

3. Типология средств выражения риторических отношений

В смысловой составляющей риторической конструкции, содержащей некоторое риторическое отношение, можно выделить два в некотором смысле независимых пласта, или компонента: логико-семантический и дискурсивный.

Логико-семантический компонент (ЛСК) включает сведения о собственно связях между дискурсивными единицами, соединяемыми данным отношением: причинных, временных, уступительных и так далее. Если представить некоторое отношение как функцию F , а дискурсивные единицы — как аргументы этой функции a_1, a_2, \dots, a_n , то собственно логико-семантический компонент можно условно записать как $F(a_1, a_2, \dots, a_n)$.

Дискурсивный компонент (ДК) включает сведения о симметричности/асимметричности риторического отношения, конституирующую данную конструкцию, и о дискурсивном статусе единиц, ее составляющих; иными словами — отвечает за выбор между симметричной и асимметричной конструкцией (в тех случаях, когда инструментарий позволяет такой выбор) и разбиение асимметричной риторической конструкции на ядро и сателлит.

Двум этим компонентам смысла в языковой форме соответствуют две группы средств выражения: одни для выражения собственно семантики, другие — для выражения дискурсивной информации. Кроме того, часть языковых средств кумулятивно выражает и то, и другое. Таким образом, для некоторого риторического отношения существуют 4 возможных способа оформления:

- схема I — выражены и ЛСК, и ДК. Для асимметричных отношений примером такого оформления является сложноподчиненное предложение с соответствующим смысловым подчинительным союзом.
- схема II — выражен только ЛСК. Для асимметричных отношений примером такого оформления является бессоюзное или сложносочиненное предложение с нейтральным для данного семантического отношения сочинительным союзом, включающее лексико-грамматические средства выражения ЛСК (например, аналоги союзов, частицы и т.п.).
- схема III — выражен только ДК. Для асимметричных отношений примером такого оформления обычно являются предложения с деепричастными или причастными оборотами, не включающие средств выражения ЛСК - семантика нужного типа в них выводится из контекста.
- схема IV — не выражены ни ЛСК, ни ДК. Такой способ оформления характерен для симметричных дискурсивных отношений и обычно не используется для выражения асимметричных отношений.

4. Влияние модуса и жанра дискурса на выбор средств выражения ВО

Средствами выражения ЛСК временных отношений в русском языке являются: временные подчинительные союзы (*когда, пока, как, пока не, прежде чем* и др.), аналоги союзов (*в это время, в эту минуту, после этого, перед тем, через час, потом, затем, одновременно* и др.), частицы (*как раз*), а также деепричастия (деепричастия, образованные от глаголов несовершенного вида, обычно выражают одновременное действие, образованные от глаголов совершенного вида — предшествование, реже — следование) и причастия (обычно причастия настоящего времени выражают одновременность, прошедшего — предшествование). Таким образом, для асимметричных ВО актуальны схемы I, II и IV. Схема III не актуальна, так как деепричастия и причастия кумулятивно выражают и ДК (пониженный дискурсивный статус), и ЛСК (тип временной связи). Далее, в рамках схемы I для временных отношений следует выделить две подсхемы: Ia — сложноподчиненные предложения и Ib — предложения с деепричастными/причастными оборотами. Это необходимость обусловлена значительным влиянием модуса дискурса на использование глагольных форм (см. ниже). Примеры

обстоятельств времени с указанием схемы приведены ниже, обстоятельства выделены курсивом, средства выражения ЛСК — полужирным написанием.

- (1) ну она даже недели две бегала полседьмого утра,
перед тем как появилась собака,
(устный диалог; обстоятельство следования; схема Ia)
- (2) Как оказалось,
возвращаясь домой в приподнятом настроении,
сокращая путь через сады местных жителей,
он решил набрать нам немного черешни
и залез на дерево.
(письменный нарратив; обстоятельство одновременности; схема Ib)
- (3) ... но нарушитель произносит:
– Ну что ж, командир!
Сделка есть сделка.
При этом он резким движением открывает дверь
и исчезает из машины...
(письменный нарратив; обстоятельство одновременности; схема II)
- (4) ... И мы ээ ... по железной дороге шли.
Шли долго,
пришли в такое место, где был лес.
... Там железная дорога проходит и лес.
И проходит узенькая-узенькая ... тропинка.
.... Вот.
(устный нарратив; обстоятельство предшествования; схема IV)

В нашем корпусе при оформлении обстоятельств времени схемы Ia, Ib, II и IV распределяются следующим образом.

Таблица (4). Способы оформления обстоятельств времени (% от общего числа отношений данного типа)

	ПИСЬМЕННЫЙ НАРРАТИВ	УСТНЫЙ НАРРАТИВ	УСТНЫЙ ДИАЛОГ-ИНТЕРВЬЮ
схема Ia	25%	49%	85%
схема Ib	60%	—	10%
схема II	2%	—	5%
схема IV	13%	51%	—

Из таблицы видно, что, во-первых, **модус существенно влияет на выбор глагольной формы** в обстоятельстве: в письменном дискурсе доля схемы Ib (деепричастные обороты) составляет 60%, в то время как в устном дискурсе не превышает 10%. Во-вторых, **жанр дискурса определяет выбор способа оформления**: устный диалог явно предпочитает использовать «спецмаркеры» (то есть временные подчинительные союзы и лексические средства) — на их долю выпадает в сумме 90% случаев. Контекстная же выводимость в диалоге не используется. В нарративе, напротив, существенную долю составляют конструкции без спецмаркеров и широко используется контекстная выводимость.

5. Влияние модуса и жанра дискурса на выбор средств выражения ПСО

Средствами выражения ЛСК причинно-следственных отношений в русском языке являются: причинные и следственные подчинительные союзы (*потому что, поскольку, из-за того что, так что, столь ... что* и др.), аналоги союзов (*из-за этого, по этой причине, в результате этого* и др.) и частицы (*ведь, же, просто, и*). Таким образом, для асимметричных ПСО актуальны все 4 схемы: схеме I соответствуют сложноподчиненные предложения с соответствующими союзами либо конструкции с (дее)причастными оборотами и спецмаркерами; схеме II — бессоюзное или сложносочиненное предложение с аналогами союзов или частицами; схеме III — конструкции с (дее)причастными оборотами без спецмаркеров; наконец, схеме IV — бессоюзное или сложносочиненное предложение без спецмаркеров. Ниже приведены примеры оформления ПСО по указанным схемам в нашем корпусе.

- (5) Детей приносить не надо,
потому что я уже на них посмотрел,
хорошие, замечательные дети _
Я себе вот как представляю
как они тут начнут орать _
(устный диалог; обоснование; схема I)
- (6) Очухавшись
и осознав,
что жизнь продолжается,
она смело ринулась в ближайшее укрытие от сотни любопытных глаз,
и этим укрытием оказался стол,
стоящий подле доски,
служащий в основном полочкой для лекторских сумок и мела.
*Таким образом, теперь между нами и зверьком находился стол,
и мы больше не могли наблюдать поползновения мышки...*
(письменный нарратив; неволитивный результат; схема II)
- (7) Замешкавшись на пороге,
она случайно выпустила из дома их пса —
бультерьера Амира.
(письменный нарратив; неволитивная причина; схема III)
- (8) ... Мы побежали туда,
вызвали полицию,
мне показалось
что это воры _
(устный нарратив; волитивная причина; схема IV)

Ниже в таблице (5) приведено распределение асимметричных ПСО по схемам оформления в дискурсах разного типа.

Таблица (5). Способы оформления асимметричных ПСО (% от общего числа отношений данного типа)

	ПИСЬМЕННЫЙ НАРРАТИВ	УСТНЫЙ НАРРАТИВ	УСТНЫЙ ДИАЛОГ- ИНТЕРВЬЮ
схема I	17%	11%	65%
схема II	10%	6%	5%
схема III	25%	2%	—

схема IV	48%	81%	30%
----------	-----	-----	-----

Так же, как и в случае с ВО, **модус дискурса** существенно **влияет на выбор глагольной формы** в сателлите: в устном дискурсе схема III практически не представлена. Далее, **жанр дискурса** значительно **влияет на стратегию оформления ПСО**: если в диалоге говорящие стремятся явно указывать на тип ПСО, используя спецмаркеры (то есть союзы, их аналоги или частицы, иногда даже одновременно) — доля схем I и II составляет в устном диалоге 70% — то в нарративе в большинстве случаев опускается указание на ПСО, а их наличие и тип выводятся из контекста: доля схем III и IV здесь составляет более 70%.

6. Заключение

Итак, сформулируем основные результаты проведенного исследования.

Частотность временных и причинно-следственных отношений в диалоге приблизительно в 4,5 раза ниже, чем в нарративе. Это объясняется тем, что временные и причинно-следственные связи являются конституирующими для рассказа как для жанра: нормальный рассказ как раз и представляет собой временную последовательность, часто в сочетании с вынуждением разного типа. В основе же диалога лежат коммуникативные связи типа вопрос-ответ, тезис-согласие/возражение и т.д.

Модус сильно влияет на выбор глагольной формы в сателлите. Автор письменного дискурса выбирает для оформления сателлита нефинитную форму глагола в 45% — 70% случаев. Между тем в устном дискурсе доля нефинитных форм мала (не превышает 10%).

Жанр значительно влияет на выбор средств оформления временных и причинно-следственных связей. Если в устном нарративе как временные, так и причинно-следственные отношения могут не маркироваться ни подчинительными союзами типа *когда* или *потому что*, ни лексическими маркерами типа *потом* или *из-за этого*, то в устном диалоге от 70% до 90% случаев оформляются именно с помощью подчинительных конструкций с соответствующими союзами. Это также связано с различиями в том, какой тип смысловых связей является конституирующим для данного жанра.

Литература

1. William Mann, Christian Matthiessen, and Sandra A. Thompson. Rhetorical structure theory and text analysis. // Discourse Description. Amsterdam: Benjamins, 1992. P. 39-78.
2. William Mann, and Sandra A. Thompson. Rhetorical structure theory: A theory of text organization. University of Southern California, 1987.
3. Кибрик А. А., Плунгян В. А. Функционализм. //Фундаментальные направления современной американской лингвистики, изд. М: МГУ, 1997. С. 276-339.
4. Литвиненко А. О. Описание структуры дискурса в рамках теории Риторической структуры: применение на русском материале // Труды Международного семинара Диалог'2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Аксаково, 2001. Т.1, с. 159-168.
5. Литвиненко А. О. Предикативное обстоятельство времени в устном детском нарративе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международного семинара Диалог'2002 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Протвино, 2002. Т.1, с. 252-260.
6. Литвиненко А. О. Причинно-следственные конструкции в устном и письменном нарративе: от дискурса к синтаксису. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международного семинара Диалог'2003 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Протвино, 2002. С. 408-417.

